

„Пусть никогда не будет войны“

К 50-летию Победы

Ирина Петровна Васильева встретила войну одиннадцатилетней девочкой. О тех временах ее воспоминания.

Жили мы в Крыму, село называлось Аунурбан, это в Джанкойском районе. Дом у нас был как у всех — просторный, четырехкомнатный, построенный из каменных плит. Достаток в семье был большой, хотя жили без отца, он умер. Мать работала бригадиром на табачной фабрике. И вся семья ей помогала — дети, бабушка. Так было заведено в селе, что помогали приносить все члены семьи — собирали табак, сортировали и т. д. Несмотря на название, в селе жили в основном русские и немецкие семьи, рядом, в трех километрах от нас, было село еврейское, туда мы ходили в школу. Жили все дружно, на своих и чужих не делились.

Война в один миг прервала все. Намцев сразу же предупредили, что они будут выслены, на сборы дали 24 часа. Незнакомно было, куда нас собирались, почти всех предупредили, чтобы с собой взяли еду на несколько дней и смену белья. Маме нашей, как и другим, было сказано, чтобы ключ от дома она отдала военному коменданту. Всем нам было обещано, что вернемся мы сюда через шесть месяцев, что все вещи и дома будут возвращены в целости и сохранности. И даже расписку дали.

Разместили нас в теплых вагонах. В каждом из них народу было много, сидеть на нарах было тесно. Ехали мы целый месяц. А война шла рядом с нами. Часто поезд наш останавливался, мы ждали, когда достроиват разбомбленные пути. Когда мы проехали мимо разбитых, обугленных эшелонов, нам приказывали закрывать окна и двери, чтобы мы ничего не видели. Иногда на станциях среди наших вагонов прицепляли вагоны солдатские.

Мы не знали, куда нас поведут, оставят ли нас в живых или расстреляют. Эта неизвестность угнетала всех. Только мама бабушка держалась равно, спокойно и других призывала к спокойствию.

Когда мы проезжали по мосту через Волгу, нам приказано было закрыть окна и двери. Наверное, охрана боялась, что люди будут убежать, выпрыгивать из вагонов. Молодые парни и мужчины выбирались из вагонов на крышу, потому что было душно и жарко. Среди них был и мой двоюродный брат. Он был тогда на два старше. Когда мы проехали Волгу, брат исчез.

Около Сталинграда на стоянке нам разрешили приготовить еду на кострах. Мы (я и два мальчика, моих ровесника) пошли в лес за дровишками, видимо, заигрались, зашли далеко вглубь леса. Здесь увидели солдат. Они спросили нас, кто мы, откуда выехали здесь. Узнав, что из эшелона, они сказали, что эшелон уже отходит. Мы побежали к поезду, они бежали с нами. И нас забросили почти в последний вагон. А мама моя осталась от поезда, она искала меня. Дошла только через двое суток на другом поезде — босая. Обувь потеряла, когда догонила поезд. А хлеб из рук не выпустила, накормила им нас — меня, бабушку, тетю и моего младшего братишку. И снова мы ехали вместе.

Привезли нас в Башкирию, поселили в деревне недалеко от Уфы. Мама и я стали работать в колхозе, мама каждую неделю отмечалась в комендатуре. Жили мы в доме, построенном по башкирскому обычаю: в печку был вмазан котел, кастроль не было. Вместо кроватей были скамеечки нары.

Местные жители относились к нам с безразличием — не обижали, но и не помогали. Все солды, пока мы жили в этой деревне, мы носили ланты. Покупали

их у местного умельца сразу по две пары каждому — одну на каждый день, другую на выход, бабушка все никак не могла с лантами справиться.

Правда, в колхозе нам дали корову, которая каким-то чудом там не сдохла. Мы ее за хвост поднимали, кормили, выхаживали. Когда она поправилась, ее забрали обратно в колхоз. Потом мы себе купили козу, козье молоко да овощи с огорода спасали нас от голода.

Прожили в этой деревне мы до 1947 года. А потом нас вывезли к себе в Орск моя старшая сестра Вера, которая с первыми днями войны была мобилизована в трудовую. Вот здесь-то, в Орске, мы узнали, что такое голод. У мамы забрали документ, который ей давали во время отправки в эвакуацию (о том, что дом ее будет возвращен). А вместо него дали другой — о том, что дом и все имущество она пожертвовала в фонд победы.

Жили мы все время трудно, приходилось много работать. Я уже семь лет на пенсии, но не бездельничаю. У нас с мужем большое хозяйство. Все трудности можно пережить, но только пусть войны никогда не повторится. Пусть мои дети и внуки знают о ней только из фильмов и книг. Война — это страшно. На своей родине, в Крыму, я больше никогда не была. Только в паспорте и осталась название села: в графе, где указано место рождения. Иногда я слышу разговоры о том, что немцам легче, они могут уехать на историческую родину, в Германию. Мне становится обидно, ну какая же мне там родина, когда я родилась и прожила жизнь в Советском Союзе, а теперь в СНГ. С родственниками связей нет, мы их растеряли безвозвратно. Вся родня моя — сестра, дети да внуки. Мы все переживем, только пусть войны никогда больше не будет.

Заяскада Е. ПРЕСНЯКОВА.